

ШВЕДЫ И ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД В ВОСПРИЯТИИ ЛИВОНСКИХ ХРОНИСТОВ XVII в.*

Характерной чертой средневековой ливонской историографии являлось отсутствие всемирных хроник с видением судеб всего человечества, поданным сквозь призму истории христианского (католического) сообщества. В фокусе внимания ливонских хронистов XIII–XVI вв. неизменно находились государства ливонской конфедерации, так называемой «Старой Ливонии», и их история, начиная с эпохи немецкого завоевания и до современного им момента. Созданная ими мемориальная традиция с характерным набором типологических особенностей, условностей и тропов, была вплотную задействована в процессе конституирования коллективной идентичности балтийских немцев и обоснования их политико-правовой исключительности¹. Вместе с тем, близкое соседство Ливонии с северо-западными русскими землями, главным образом, с Великим Новгородом, оживленность и вариативность их контактов, сочетавших взаимовыгодные торговые контакты, культурный обмен, дипломатические отношения, вооруженные конфликты, обусловили ту большую долю внимания, которое ливонцы неизменно проявляли к делам восточных соседей. Поэтому-то документация ливонского происхождения и ливонские хроники столь важны для исследователей, занимающихся изучением истории Великого Новгорода².

Вторая половина XVI в. стала периодом наивысшего расцвета ливонской хронистики. Имена Б. Рюссова, Ф. Ниенштедта, И. Реннера, С. Геннига и других ливонских хронистов широко известны в кругу специалистов по проблемам Ливонии, Ливонской войны 1558–1583 гг. и международных отношений времен «Битвы за Балтику»³. Ливонская

* Исследование осуществлено при поддержке РФФИ, проект № 17-01-500098.

¹ Подробнее см.: *Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung* / hrsg. v. G. von Rauch. Köln, 1986.

² Бессуднова М. Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж, 2016. С. 54–59.

³ Зутис Я. Я. Очерки по историографии Латвии. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949. Ч. 1. С. 24–61; *Freiherr von Taube A.* «Der Untergang der livländischen Selbständigkeit»: die livländische Chronistik des 16. Jahrhunderts // *Die Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung*. S. 21–41.

война, в которую оказались вовлеченными все соседствовавшие с Ливонией государства, заставила ливонских хронистов с большим вниманием относиться к происходившим в них событиям, которые могли отразиться, случалось, что и роковым образом, на судьбе их собственной страны⁴. Эпизоды, посвященные действиям русских войск и политике русской администрации в пределах ливонских земель, нередки в их произведениях. Что же касается Швеции, то упоминания о ее ливонских демаршах стали появляться после 1561 г., когда Северная Эстония вместе с Таллинном (Ревелем) перешла под власть шведской Короны. Повествование, как правило, разворачивалось вокруг соперничества Швеции с Польшей и Литвой из-за Ливонии и обстановки на ливонском театре боевых действий, причем позиции историографов в таких случаях напрямую зависели от их подданства, польского или шведского, и, разумеется, вероисповедания⁵.

События, происходившие в конце XVI – начале XVII в. за пределами Ливонии, в ливонских хрониках отражены в крайне ограниченном объеме, часто сопровождаются ошибками, выдающими слабую информированность рассказчика. В особенности, когда дело касалось событий в Дании и Московском государстве (России), что можно объяснить отсутствием среди ливонского политически активного населения мало-мальски заметных «продатских» или «пророссийских» настроений⁶ и, как следствие, ограниченностью внимания к внутреннему состоянию этих государств. В отношении отражения событий русской Смуты ливонскими хронистами начала XVII в. показательной является опубликованная в 1611 г. хроника Дионисия Фабрициуса, ревностного католика и верноподданного польского короля Сигизмунда III Ваза. В ее заключительной, четвертой, части, посвященной событиям 1609–1611 гг., содержатся упоминания о «московитской» Смуте, Лжедмитрии (Лжедмитрий I и Лжедмитрий II, что характерно, тут выступают как одно лицо), обороне Смоленска и походе шведов на Псков⁷, но о Великом Новгороде, находившемся вне пределов интереса автора, и его оккупации шведами не упомянуто ни словом.

⁴ Примером такого всестороннего охвата могут служить «Польские, ливонские, московитские, шведские и другие истории» Лаврентия Мюллера (Polnische, Liffländische, Moschowiterische, Schwedische und andere Historien. Frankfurt a. M., 1585).

⁵ *Etzold G.* Geschichtsschreibung der polnisch-schwedischen Zeit // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung. S. 44–47; *Hormuth D.* Livonia est omnis divisa in partes tres: Studien zum mental mapping der livländischen Chronistik in der Frühen Neuzeit (1558–1721). Stuttgart, 2012. S. 57–123.

⁶ *Etzold G.* Geschichtsschreibung der polnisch-schwedischen Zeit. S. 43.

⁷ *Fabricius D.* Livonicae historiae compendiosa series in quatuor digesta partes ab anno 1158 usque ad anno 1610 // Scriptores rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland. Riga, Leipzig, 1853. Bd. 2. S. 506–509.

В фокусе внимания хронистов рубежа XVI–XVII вв. пребывало соперничество Швеции с Речью Посполитой, в частности, польско-шведская война 1620–1629 гг., по завершении которой большая часть польских «Инфлянт» перешла под власть шведского короля. По мере становления на территории Ливонии шведского господства, сохранявшегося до окончания Северной войны 1701–1721 гг., ливонская историография не только обретала лояльность в отношении нового режима, но стала выразительницей проправительственного настроения, рупором восхваления «добрых шведских времен», которые, однако, далеко не однозначно оцениваются в историографии⁸. С другой стороны, расширилось тематическое пространство ливонских хроник, в поле которого попадала деятельность шведов за пределами собственно ливонской территории, вследствие чего в них получили освещение некоторые моменты, связанные с участием шведов в событиях Смутного времени и пребыванием шведского экспедиционного Якоба Делагарди в Великом Новгороде в 1611–1617 гг.

Локальная ограниченность и пристрастие к компиляциям, присущие ливонским хронистам XVII в., сильно понижают значимость их сочинений как исторических источников по истории Великого Новгорода эпохи Смутного времени – в плане фактологическом, например, от них вряд ли стоит ожидать чего-либо принципиально нового. Вместе с тем, однако, эти сочинения дают возможность взглянуть на новгородские события глазами сторонних наблюдателей – жителей Ливонии, близких соседей новгородцев, традиционно интересовавшихся состоянием их дел и имевших возможность, главным образом, благодаря торговым связям, получать о том качественную информацию.

Есть и еще один важный нюанс, требующий внимания. Ливонские историки первой половины XVII в. П. Эйнхорн и Ф. Мениус, на памяти которых совершалось становление шведского господства в Восточной Прибалтике, в силу пока еще не проясненных причин отдавали предпочтение древней истории своей страны, ее самобытности, народным традициям⁹. Возможно, этот историографический феномен связан с потребностью в условиях иноземного владычества взглянуть на корни собственной идентичности и посредством мнемонических средств запечатлеть культурно-историческое своеобразие ливонского социума.

Как бы то ни было, но события времен русской Смуты в наиболее полном объеме отражены лишь в произведениях ливонских хронистов

⁸ *Misāns I.* Gute Zeiten? Schlechte Zeiten? Die «Schwedenzeiten» in lettischen Geschichtsschreibung // Deutschland, Russland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow / hrsg. v. F. Anton und L. Luks. Köln u. a., 2005. S. 67–86.

⁹ *Зумус Я. Я.* Очерки по историографии Латвии. С. 50–55; *Hormuth D.* Livonia est omnis divisa in partes tres. S. 123–140.

второй половины XVII в., а именно, в «Эстонской, ливонской и латвийской истории» Томаса Хьерна (Иерне), написанной около 1676 г., и «Ливонской истории» Кристиана Келха 1695 г.¹⁰ Довольно большой временной промежуток, отделявший время их появления от начала XVII в., не должен нас смущать, поскольку, как показали исследования Д. Хормута, оба хрониста имели доступ не только к более раннему шведскому нарративу, но и к деловой документации, откуда черпали материал для своих сочинений¹¹.

Показателен выбор сюжетов для «новгородских экскурсов». Ни один из названных хронистов не стремился поведать об обстановке в оккупированном шведами Новгороде, режиме правления Делагарди, отношении к нему новгородцев, что объясняется малой степенью заинтересованности в том ливонской читающей публики, так и неизменно (или крайне малой степенью изменения) традиционного жизненного уклада Великого Новгорода при шведах, что подтверждается современными российскими исследователями¹². Вместе с тем, в восприятии обоих хронистов события в России тесно связаны с вооруженной борьбой Швеции против Польши, вследствие чего события ливонской и русской истории в их подаче предстают тесно взаимосвязанными.

Сюжетная канва обеих хроник несколько различается. Хроника Хьерна, например, значительно уступает труду Келха по численности батальных эпизодов, хотя ведение шведами боевых действий в России, осада и взятие русских городов здесь также отмечены. У Хьерна основное внимание уделено правовым, точнее, договорным, основам общения русских и шведов, вследствие чего в его повествовании выделяются три ключевых эпизода, а именно, Выборгский договор 1609 г., новгородское посольство 1612 г. в Стокгольм и Столбовский мир 1617 г. Келх описанию военных действий шведов, в особенности корпуса Делагарди, которым он неизменно восхищался, отвел гораздо больше места, но и у него вышеназванные сюжеты заметным образом акцентированы.

¹⁰ Подробнее об этих авторах см.: *Зутис Я. Я.* Очерки по историографии Латвии. С. 55–57; *Hormuth D.* Livonia est omnis divisa in partes tres. S. 123–158.

¹¹ Особенно это касается Т. Хьерна, который в 1650–1660-х гг. являлся секретарем шведского губернатора Эстонии Б. Горна, а в 1676 г. предпринял поездку в Швецию, где имел доступ к шведской государственной документации (*Hormuth D.* Livonia est omnis divisa in partes tres. S. 123). В основу же сочинения К. Келха легли исторические сочинения более ранней эпохи (*Ibidem.* S. 141). Сам К. Келх ссылается на записки П. Петрея и «Историю Швеции» С. Пуффендорфа. Отмечено, что оба хрониста использовали также материалы хроники Морица Брандиса конца XVI в., в которой широко представлена различного рода документация по истории Риги (*Etzold G.* Geschichtschreibung der polnisch-schwedischen Zeit. S. 50).

¹² *Селин А. А.* Новгородское общество в эпохе Смуты. СПб., 2008.

Договор в Выборге, как и Столбовский мир, авторы с Новгородом не связывают, но посвященный ему эпизод определял логику восприятия ими русско-шведских отношений как равноправного союза, который был заключен по инициативе русских властей, и при соблюдении сторонами его условий обещал им равную выгоду. Невыплата русским правительством обещанного жалования настроила шведских наемников против Делагарди, «создало большую угрозу для него, а также для русских, которые вместе со шведами должны были сражаться со своими врагами»¹³, а также спровоцировала разграбление русских погостов (*Pagage*), «поскольку у многих шведских солдат ничего, кроме платья на теле, не осталось»¹⁴. Подобный ракурс позволяет хронисту оправдать взятие шведами Кексхольма (23 августа 1610 г.), Новгорода (3 марта 1611 г.) и других русских крепостей. Келх, равным образом стараясь оправдать действия шведов, в дополнение к тому отмечает, что Кексхольм, Нотебург, Копорье, Гдов и иные крепости «держались партии Димитрия»¹⁵, из чего следовало, что действия шведов не выходили за рамки союзнических отношений; той же мысли служат постоянные упоминания хрониста о совместных действиях Делагарди и русского воеводы князя М. В. Скопина-Шуйского под Москвой, Тверью, Смоленском, Клушино¹⁶. Отсутствие жалования вынуждало шведских солдат переходить на сторону противника, что вредило русскому государю¹⁷. На этом фоне убедительно воспринимаются сетования хронистов о нарушении русской стороной Выборгских соглашений по выплате жалования шведской армии, «которая до этого сослужила великому князю столь славную службу»¹⁸. В отличие от шведов, поляки представлены в ливонских хрониках агрессорами, поскольку их король «желал Россию забрать себе или же, по крайней мере, помочь своему клиенту – наемнику Лжедмитрия – обрести русский скипетр, чтобы использовать его против шведов»¹⁹.

Собственно Великого Новгорода в ливонских хрониках касаются два эпизода – взятие его шведами и посольство 1612 г. Штурм и захват города, сопровождавшийся резней и грабежами (наиболее полно они описаны у Келха)²⁰ – противоречили желанию хронистов представить шведов и русских как союзников, поэтому они оба постарались указать

¹³ Thomae Hiäm's Ebst-, Lyf- und Lettlandische Geschichte (далее – Hiärn) // Monumenta Livoniae Antiquae. Riga, Dorpat, Leipzig, 1835. Bd. 1. S. 410.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Kelch C. Liefländische Historia (далее – Kelch). Reval, 1695. S. 501.

¹⁶ Kelch. S. 501–505.

¹⁷ Kelch. S. 505.

¹⁸ Kelch. S. 504.

¹⁹ Kelch. S. 501.

²⁰ Kelch. S. 508–509.

причину подобного несоответствия. Если Хьерн просто вписал взятие Новгорода в перечень захватов других русских крепостей, спровоцированных невыполнением Выборгского договора, то Келх усмотрел в том желание Делагарди предотвратить участие новгородцев в возведении королевича Владислава на Московский стол и намерение использовать их в продвижении кандидатуры одного из сыновей Карла IX, «надежду на что ему давали многие знатные русские». При этом хронист замечает, что Делагарди действовал без королевского приказа. «Но поскольку он все больше замечал, что его кормят одними словами и русские действуют с неприкрытым обманом, и поскольку они совершили из Новгорода большую вылазку против его людей, которая им, впрочем, обошлась большими потерями, то он объявил им войну и решил сразу же атаковать Новгород»²¹.

Ливонские хронисты расходятся в оценки численности войска, которым располагал Делагарди: Келх называет примерно 5 тыс.²², а Хьерн 7 тыс. человек, при этом указав, что в городе на тот момент «находилось что-то около 100 000 солдат, горожан и крестьян»²³. За точность цифр ручаться не приходится, но то, что Новгород тогда поразил иноземцев своей многолюдностью, сомнений не вызывает. Это подтверждает реплика Келха: «Это была большая крепость и многолюдный город, обеспеченный всем, что требуется в условиях осады», взять которую Делагарди удалось только с помощью хитрости. Завоевав с малым войском «этот знаменитый город, про который русская поговорка говорит: «Кто против Бога и Великого Новгорода?», Делагари обеспечил себе великую славу»²⁴.

Второй и основной знаковый эпизод, относящийся ко временам шведской оккупации Новгорода, в ливонских хрониках касается намерения новгородцев избрать великим князем сына шведского короля. Здесь тоже имеется расхождение, причем существенное. Хьерн представлял решение новгородцев в контексте общерусских настроений, возникших вследствие разочарования польскими ставленниками: «Поскольку московиты изменились во мнении и отпали от вышеназванного избранного ими великого князя [королевича Владислава. – М. Б.], новгородцы пожелали себе в великие князья одного из сыновей короля Швеции в надежде, что московские и другие русские в этом им последуют»²⁵. Хронист пишет, что новгородцы заручились поддержкой ряда русских земель – Торопца (*Tropis*), Нижнего Новгорода, Твери (*Uttersin*), Ярославля, Казани – словом, посольство новгородцев пред-

²¹ Kelch. S. 508.

²² Ibidem.

²³ Hiärn. S.410.

²⁴ Kelch. S. 508–509.

²⁵ Hiärn. S. 410.

ставлено выразителем воли всей русской земли. Келх же уверен в чисто новгородском характере проекта. В одном месте он пишет, что Делагарди завоевал многие крепости Новгородской земли, приказал новгородцам направить послов в Швецию, чтобы «передать шведской Короне протекторат над Россией, просить принца Карла Филиппа в цари»²⁶, однако через пару страниц представляет новгородское посольство в Стокгольм как дело добровольное и для новгородцев желательное: «Северные пределы России показали себя очень желающими взять себе в государи шведского принца, поскольку тем самым можно было бы с большим удобством вести их торговлю (*Commerciën*), и за то, без всяких сомнений, шведы могли получить для себя что-либо существенное, если бы, согласно совету графа Якоба Делагарди, ковали железо пока горячо»²⁷. Имелось в виду установление над Новгородской землей шведского протектората.

Карл IX, получивший известие о намерениях новгородцев незадолго до своей смерти (30 октября 1611 г.), поручил решить этот вопрос своему наследнику Густаву-Адольфу, и тот, взойдя на престол, принял решение возвести на великокняжеский стол своего брата, герцога Карла Филиппа. Переговоры в Стокгольме и последующий приезд принца в Выборг затягивались – по мнению Хьерна, из-за переменчивости настроений русских: «Сначала московиты начали вести переговоры о выборе великого князя промеж себя, но самые знатнейшие господа не захотели иметь великого князя из своей среды, поскольку им претило оказывать послушание и подданство кому-то равному себе, поскольку такие великие князья доселе имели мало счастья, и потому подумали о Карле Филиппе, но потом единогласно избрали сына митрополита, молодого господина по имени князь Михаил Федорович»²⁸.

В хронике Келха проблема получила совершенно иное освещение: «Вскоре после того, как герцог Карл Филипп прибыл в Выборг (9 июля 1613 г.), к нему явились новгородские посланцы, поздравили герцога со счастливым приездом, жаловались, однако, на московитское непостоянство с уверенным, что сами они в том совершенно невиновны, и просили герцога прибыть в Новгород и стать их великим князем, поскольку, как они смогли узнать из своей древней истории, что за несколько столетий до того, как Новгород попал под власть Москвы, у новгородцев был князь из Швеции по имени Рюрик, и высказались за то, что и сейчас подобное может случиться. Но тут шведские комиссары дали им ответ, что новгородское правление не предполагает наличие собственного великого князя, и потому посчитали разумным, чтобы новгородцы просили одобрить иное правление и ожидать заявления всех русских

²⁶ Kelch. S. 510.

²⁷ Kelch. S. 512.

²⁸ Hiärn. S. 413.

сословий. Когда новгородцы его получают, его королевское величество разрешит отправить господина своего брата в Новгород. Послы сначала не знали, что сказать, а потом вновь повторили свою просьбу, чтобы герцог смог прибыть в Новгород или, по крайней мере, в Ивангород или другую какую пограничную крепость, поскольку были убеждены, что многие власти (*Herrschaften*) станут бить ему челом, и даже москвиты, возможно, изменят свое мнение. Хотя это предложение нельзя было полностью отвергнуть, шведские послы, однако, не могли нарушать свои инструкции, особенно потому что новгородцам нельзя было доверять, ведь эта их неверность уже дала себя почувствовать во многих вещах. Потом, наконец, герцог после долгого, но напрасного ожидания определенного решения потребовал их посланцев к себе и заявил, что ныне он доподлинно узнал неверность, обман и необязательность как новгородцев, так и прочих русских сословий, и потому больше не намерен себя им предоставлять и подвергать свою персону затяжкам и опасности, но хотел бы получить свое право и удовлетворение притязания на Русское царство и особенно на Новгородскую землю посредством свободных выборов, чтобы в конечном итоге препоручить [их. – М. Б.] королю Швеции, своему возлюбленному брату, которому они также передали и направили для разбирательства дело о причиненном им зле, тем более что король и без того имеет большую претензию к Русскому царству и немалой частью его уже овладел *jure belli*. После этого новгородские послы были отпущены; герцог отправился обратно в Стокгольм; но вышеназванные послы должны были перед отъездом повторить ту присягу, которую они уже приносили после завоевания города королю Швеции, и целовать крест от имени всей Новгородской земли»²⁹.

В представлениях Келха новгородцы в своих действиях исходили не только из соображений коммерческой выгоды, но также из стремления превратить Новгород в самостоятельный субъект внешнеполитических сношений, который вправе распоряжаться своей судьбой. В уста новгородцев он вкладывает слова о том, что «Новгород в прежние времена являлся отдельным государством» и даже находит исторический прецедент возведения шведа – вопрос об истинном происхождении Рюрика оставим в стороне – в ранг новгородского князя. В речи новгородских послов упор сделан на то, что Карлу Филиппу предстояло стать новгородским великим князем с надеждой, что затем его признают и другие русские земли, и для утверждения в этом качестве ему следовало как можно скорее оказаться в пределах Новгородской земли. Повторное крестоцелование новгородцев, видимо, трактовалось как их клятва ему как своему князю. За всем этим, по мнению хрониста, стоял Делагарди, который призывал соотечественников «ковать железо, пока горячо»,

²⁹ Hiärn. S. 413–414.

т. е. сначала упрочить положение шведского государя в Новгороде и лишь потом думать о Москве. Келх считал этот план разумным и потому осуждал несговорчивость герцога и сопровождавших его комиссаров: «И тем самым все добрые переговоры по этому делу закончились и выросла из того кровавая война между обоими государствами»³⁰.

Что же касается подписания Столбовского мира, то и Хьерн и Келх сообщают о намерении короля Польши противодействовать нормализации русско-шведских отношений, чтобы тем самым ослабить обоих своих главных противников³¹. Хьерн подробно перечисляет участников переговоров в Столбово, условия мира, тогда как Келх дает ему емкую, но содержательную оценку: «В год 1617 13 февраля (*sic!*) Божьим соизволением и прилежным содействием английских и голландских посланцев был заключен мир, благодаря которому шведы получили Кексхольм и Ингерманландию и тем самым на этой стороне Швеции границы с Россией были прикрыты, страны друг с другом связаны, а русские совершенно отрезаны от Балтийского моря»³². Речь идет о шведской Ливонии, интересы которой по всем трем пунктам – безопасность границ, сохранение связей с Россией и ее отрезанность от Балтики – Столбовский мир обеспечивал.

В целом надо отметить, что интерес ливонских хронистов к истории русско-шведских взаимоотношений не был лишен прагматизма, но призван был обогатить опыт общения ливонцев с русскими людьми, в частности, с новгородцами, в плане экономическом, дипломатическом, правовом. Обращает на себя внимание тот факт, что восприятию России и русских людей ливонскими хронистами второй половины XVII в. чуждо представление о «русской угрозе», которое бытовало в деловой переписке ливонских ландсгерров XV – начала XVI в.³³, а также в ливонской публицистике и нарративе времен Ливонской войны³⁴, что свидетельствует в пользу заключений об искусственном происхождении этого концепта.

³⁰ Kelch. S. 513.

³¹ Hiörn. S. 418; Kelch. S. 517.

³² Kelch. S. 517.

³³ Бессуднова М. Б. «Русская угроза» в ливонской орденской документации 80-х и начала 90-х годов XV в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. Вып. 1. С. 144–156.

³⁴ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften. Bern, 1972.